

Нет автора

Русское слово

1862. 3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1862. 3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 530 с.

ISBN 978-5-458-02984-1

ISBN 978-5-458-02984-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Пчельникъ (изъ забытыхъ тетрадей). В. КРЕСТОВСКАГО.
- Дума (стихот.) С. А. ГЕНДРИКОВА.
- ✓ Няня. И. ЖУЧКОВА.
- ✓ Умственная жизнь въ Англии. С. КЕРРИ.
- Пѣсня Битвы (стихотв.) Ѳ. Н. БЕРГА.
- ✓ Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова. Г. В. ЕСИПОВА.
- ✓ Хивинскія дѣла 1839—1842 С. Н. ЗЫКОВА.
- ✓ Очерки изъ исторіи печати во Франціи. И. П. РАГОДИНА.
- ✓ Приключенія Филиппа (продолженіе романа ТЕККЕРЕЯ).
- * * * (стихотвор.). Ѳ. Н. БЕРГА.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Франція. Пренія въ сенатѣ. Рѣчь д'Алессандро его превращеніе изъ республиканца въ монархиста. — Оцѣнка итальянскаго вопроса г. Бонжо и принцемъ Наполеономъ. — «A bas les républicains et à bas les trahis». — Замѣчаніе министра безъ портфеля г. Билло на рѣчь принца. — Рѣчь іезуита Келлера въ законодательномъ собраніи. — Министръ Руланъ и клерикалы. — Епископы не пускаютъ на вселенскій соборъ. — Канонизація св. Лабра и японскихъ мучениковъ. — Оппозиція въ парламентѣ: Эмиль д'Оливье, Пикаръ и Жюль Фавръ. Ихъ рѣчи объ Италіи, Мексикѣ, карательной цензурѣ и свободѣ выборовъ. — Подвигъ г. Веру. — Какого рода судъ нуженъ для преступленій противъ печати? — Пробужденіе юношества и умноженіе арестовъ. — Дѣло Ренана. — Проектъ императора. — Италія. Общество предусмотрительности. — Ратація на мѣстѣ Риназоли и трудное положеніе министерства. — Пруссія. — Распущеніе парламента и министерства. — Возвращеніе короля къ реакціи. — Предстоящіе выборы. — Австрійскія дѣла. — Двуличная политика Австріи. Венгерскія неустройства. — Греція. — Неудачи инсургентовъ. — Смыслость президента Ливады. — Адольфъ Бертронъ, претендентъ на мексиканскій престолъ. — Положеніе союзныхъ войскъ въ Мексикѣ. — Американскія дѣла. — Англія.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Базаровъ. (отцы и дѣти,

романъ И. С. Тургенева. Русск. Вѣстн. № 2). Д. И.

ПИСАРЕВА . . . . . 1.

Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина.

С. Пб. 1762 г. Р. Р . . . . .

- ✓ Горе отъ Ума. А. С. Грибоедова. *Первое полное изда-
ніе* Н. Тиблена. С.—Пб. 1862 . . . . .
Всемирная исторія. Ф. Шлессера. Т. I и II. С. Пб.
1861 и 1862 г. . . . .

Иностранная литература. Последнее слово
о папствѣ. Пій IX, Франческо Даль-Онгаро. Римъ и
савойскій имъстникъ, Кретино-Жоли. Римскій ко-
роль, Карла Пейа. Нѣтъ больше римскаго вопроса,—
воззваніе къ вселенскому собору, Кайла. Католикъ къ
отцу Пассалиа, Франсуа Дюрана. Папское само-
державіе и свобода Альберта Брольи. Италия и рим-
скій вопросъ, герцога Вальми. В. ПОПОВА . . .

ОТДѢЛЪ III.

Современная лѣтопись.

Дневникъ темнаго человѣка.

Петербургъ въ дни великаго поста.—Наша страсть къ музыкѣ.—Соловьи
изъ дальнихъ странъ.—Изобиліе коцартовъ.—Музыкальные знаменитости.—
Музыкальный протестъ Н. В. Кукольникъ.—Скучаемъ ли мы?—Плачь г. Апух-
тина и его стихотвореніе къ «Современнику» итѣмъ.—Варьяція на ту же те-
му «Во свѣ и на яву»—стансы.—Моя на литературныя чтенія.—Москва,
какъ подражательница.—Замѣчательное литературное утро въ Москвѣ.—Чте-
цы-любители.—Нѣсколько словъ о «популярныхъ могилкахъ» русской словес-
ности времени Булгарина.—Авторъ романа «Кровавое пятно» и мое знаком-
ство съ нимъ.—Новаго рода спекуляція.—Публичныя лекціи иностраннаго
Аскоченскаго.—Образцы его краснорѣчія.—Случай на лекціи.—Моя ода
новому Аскоченскому.—Лекціи Сюзора.—Изобиліе лотерей въ Петер-
бургѣ.—Лотерея Шимаповъ и Серока.—Провинціальное добродушіе и зем-
ля о комедіи.—Замѣчательныя «мѣстныя извѣстія» Симб. Губ. Вѣдомо-
стей, сочиненныя г-номъ Соболевскимъ.—Нѣчто о гомерическомъ значе-
ніи Г. Соболевскаго.—Новости и открытія, сообщаемыя имъ.—Приближеніе
весны и ея примѣты.—Пѣсни веснѣ.—Весенняя пѣсня г. Овсянникова въ
обществѣ с.-петербургскихъ водопроводовъ.—Шамиль, членъ комиссіи
общества водопроводовъ.—Советы акціонерамъ.—Новый послѣдователь г. Юр-
кевича и защитникъ телснаго наказанія.—Газета Амуръ и ея рѣдкости.—
Краснорѣчіе нѣкоторыхъ исправниковъ:—Разсказъ о львѣмъ.

Шахматный листокъ (за февраль) В. М. МИХАЙЛОВА.

ИЧЕЛЬНИКЪ.

(ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ТЕТРАДЕЙ).

I.

Вьется, вьется лѣсная дорожка межъ кустовъ шиповника и густыхъ орѣшинъ, межъ пѳрослей черники и голубицы, межъ лѣснаго вереска и всякаго рода дикихъ цвѣтовъ; сбѣгаетъ она съ пригорка въ лощинку, съ лощинки на пригорокъ; то завернетъ въ такое мѣсто, гдѣ и продору нѣтъ, гдѣ руками еле-еле разводишь сучья, и бьющія въ лицо кудрявыя, мягкія вѣтви, то вдругъ, неожиданно-негаданно, выскочить къ звонкой рѣчкѣ, черезъ которую переберешься по камнямъ съ помощью кой-какъ переброшенной гнуткой жерди-перекладины, и выйдешь въ большой старый лѣсъ, гдѣ дубы, да клены, да березы, да кой-гдѣ дикая яблонь или дикая вишня какъ бы сторонятся другъ за друга, и тихо шумять, и качаются—качаются такъ важно, мѣрно, плавно, будто заманиваютъ прохожаго человѣка все дальше и дальше въ эту прохладную глубину, въ эту непросвѣтлую глушь своего дико-привольнаго лѣснаго міра.

А дорожка все вьется и вьется передъ тобою и, кажется, конца ей не будетъ! Но вотъ она вдругъ словно устала, словно ей прискучило такъ рѣзко завиваться и ломать та-

Отд. I.

кіе неожиданные повороты — и она пошла себѣ тише и глаже, и прямѣе подѣ широкимъ навѣсомъ кленовъ и дуба. Но не прошла такъ и полуверсты, какъ, глядишь, опять завилась—завилась и побѣжала самыми прихотливыми излучинами то къ оврагу, то опять къ рѣчкѣ, то на глинистый обрывъ, который мѣстами свергаетъ на солнцѣ ярко-желтыми выбоинами, то опять наткнется на непродорное мѣсто и вдругъ выведетъ тебя на свѣтло-зеленую полянку—чистую, гладкую, бархатную, которая со всѣхъ сторонъ, какъ стѣною, окружена высокимъ лѣсомъ.

Только что выйдешь на эту полянку—такъ и новѣетъ на тебя особеннымъ ароматомъ,—ароматомъ чистаго, теплаго меда, въ которомъ чутся и запахъ липы, и запахъ гречихи, и всякаго лѣснаго цвѣта. Прошелъ нѣсколько шаговъ—и ухо твое щекочетъ уже особенный тонкій, музыкальный звукъ, не похожій на звуки лѣса: это пчелы жужжатъ и рѣютъ надъ чистою поляной. Тутъ съ одного боку прилѣпилась живая изгородь изъ цвѣтущаго боярышника и за нею, въ оградѣ, видны верхушки колоды—это пчельникъ, насика.

Тутъ у меня и пасичникъ знакомый—дѣдко Касьянъ, который доживаетъ себѣ въ лѣсу шестой десятокъ. И мѣсто мнѣ знакомое, завѣтное, насиженное. И все мнѣ тамъ какъ будто радо, когда я приду туда: дѣдко Касьянъ радъ, и встрѣчаетъ поклономъ съ добродушно-привѣтной улыбкой; десятилѣтняя Мѣлка, внучка его, бѣжитъ на встрѣчу,—значить, тоже рада, потому знаетъ, что безъ баранковъ или безъ пряника не приду я къ нимъ,—и самъ я, незнаю чему, только становлюсь радъ, и радъ такъ искренно, свѣтло и безпредѣльно....

Вложу, бывало, въ калитку—и прямо въ шалапъ къ дѣдкѣ Касьяну. У него на пчельникѣ цѣлое хозяйство было; и хижинка маленькая выстроена, куда онъ пряталъ запасныя колоды, корыты съ вырѣзанными сотами, вытопленный воскъ и «весь свой струментъ». Въ хижинѣ была отгорожена имъ для себя и отдѣльная келья, куда былъ ходъ черезъ сѣнцы, на случай холодныхъ ночей и августовскихъ легкихъ утрен-

никовъ; только въ кельѣ дѣдко спать не любилъ, а все больше на чистомъ воздухѣ—подъ липой или въ шелашигѣ.

И цѣлый день, бывало, дѣдка мастерить себѣ что-нибудь: то мѣтошникъ новый стругаетъ или скоблить да обчищаетъ прошлогоднія колоды и прилаживаетъ къ нимъ внутри поперечныя жердочки, то мастерить наличникъ изъ мелкой волосяной сѣтки, то, присѣвъ на корточки, стряпаетъ себѣ хлѣбово, передъ шелашикомъ, на таганчикѣ, то и дѣло мѣшая въ котелкѣ уполѣвникомъ и смакуя свою похлѣбку. И все, бывало, мастерить, мастерить такимъ манеромъ, потомъ привстанетъ, разогнетъ спину, осмотрится и пойдетъ неторопливымъ, озабоченнымъ шагомъ, вдоль по пчельнику осматривать ульи: пригнется къ каждому, приложитъ ухо и слушаетъ, какъ пчела работаетъ, какъ гудѣтъ внутри, ужъ всегда вѣрно опредѣлитъ, когда быть дождю, а когда вѣдру, только приглянется къ пчелкѣ да, посмотрѣвъ на небо, понюхаетъ вѣтру: съ которой стороны, значить, дуетъ онъ,— и никогда не ошибется.

Хорошо у него было на пчельникѣ!.. Тишина, тепло, благодать такія, что невольно наводили на человѣка безпредѣльный и глубокий миръ душевный... По всей загороди были насажены имъ яблони, груши и вишни, насажены еще въ ту пору, когда дѣдко Касьянъ и не думалъ быть дѣдкой, а гулялъ себѣ по вольному свѣту дюжимъ, краснощекиимъ парнемъ. Теперь всѣ эти деревья почти ровесники дѣдкѣ Касьяну—и охъ, какъ широко и привольно разрослись они на просторѣ! И разрослись между старыми душистыми липами и кленомъ, между березами и дубомъ, подъ которыми мирно стоятъ себѣ ульи уже нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ. Между ульями накопалъ дѣдко кое-гдѣ куртинки и грядки. На грядкахъ у него всякая овощъ для своего обихода, а по куртинкамъ разсажены цвѣты, которые любить пчела. Тутъ и бархатцы, и ноготки, и иванъ да марьянъ и колокольчики, и ирникъ, и цѣлыя полосы пестрымаку, надъ которымъ уныло свѣшиваютъ свои пыльные желтыя головки подсолнечники; а въ двухъ, трехъ мѣстахъ возвышаются длинныя, тонкія мальвы и курстишки розъ, добытыя имъ изъ какого-то помѣщичьяго са-

*

да. Это у дѣдки какъ бы парадное, красное мѣсто. Тутъ же у него помѣщается и большой, росписанный улей—«всѣмъ ульямъ глава»—на которомъ намалеваны двѣ фигуры въ схимническихъ ризахъ и въ вѣнчикахъ, а надъ ними охрой выведена полукругомъ славянская надпись: «Св. Зосима и Савватій». Дѣдко объяснилъ мнѣ, что это хранители и оберегатели пчель, и что ужь такъ ведется изстари, по обычаю.

Дѣдко любитъ ходить за своими цвѣтами, выхаливаетъ, вырачиваетъ ихъ и самъ каждодневно поливаетъ изъ небольшого ведерка. Немного подалѣ, за оградой, засѣяна у него цѣлая полоса гречихи,—«потому, безъ липы да безъ гречи, да безъ пахучаго цвѣта и меду не сберешь залѣто», говаривалъ дѣдко, выходя полюбоваться на свое хозяйство.

Касьянъ—старикъ добрый и крѣпкій, хотя ему ужь и подь семьдесятъ лѣтъ. Росту онъ высокаго; ходитъ всегда важно, неторопливо, съ сознаниемъ собственнаго достоинства и всегда нѣсколько озабоченно; на ходу слегка гнется впередъ и говоритъ тихимъ, и мягкимъ голосомъ, который невольно западаетъ въ душу. Взглядъ его глубокихъ глазъ всегда тихъ и ровень—это почти взглядъ ребенка; на губахъ играетъ привѣтливая, добродушная и какъ бы нѣсколько снисходительная улыбка; лицо честное, открытое, и этой открытости немало способствуютъ большая борода и широкая лысина, по окраинамъ которой развѣваются жидкія пряди совершенно сѣдыхъ и мягкихъ волосъ. Вся фигура его дышетъ какимъ—то безпорочнымъ добродушиемъ, солидностью и внушаетъ къ себѣ чувство невольной симпатіи и довѣрія. Я не могъ не уважать дѣдки Касьяна, не могъ не привязаться къ нему всею душой, и онъ также—ужь и самъ не знаю почему—полюбилъ меня и охочь бывалъ, порою, покалякать со мною и о прошломъ, и о своемъ ремеслѣ, и о всемъ, «что дѣется на Божьемъ свѣту».

II.

Дѣдко не одиноко дотягивалъ вѣкъ на своей пасикѣ; съ нимъ жила его внучка, дѣсятилѣтняя дѣвочка, которую онъ звалъ

Малкой, т. е. Маваньей. Дѣвочка эта была нѣсколько странное, болѣзненное созданіе и почти близка къ тому, что называютъ *порченымъ*. Въ ея блѣдномъ, желтоватомъ личикѣ, на которое часто въ безпорядкѣ падали нечесанныя, вьющіяся космы темнокаштановыхъ волосъ, и въ ея углубленно-задумчивыхъ, сѣроватыхъ глазахъ выражалась что-то дикое, степное и тоскливое. Она часто по цѣлымъ часамъ заглядывалась вдаль, не видя и не слыша ничего окружающаго, какъ будто подвержена была въ эти минуты какой-то маіи, какому-то неотразимо преслѣдующему ее стремленію, — и Богъ-вѣсть о чемъ она тогда думала. Касьянъ, бывало, кличетъ, кличетъ ее, да такъ и не докличется! Подойдетъ, посмотритъ, да только головой покачаетъ и отправится къ своему дѣлу: «ишь ты, молъ, какая чудная дѣвонька! Ровно спитъ и не чувствуетъ; значитъ, ужъ такъ находить, — ну, да не въ первое — отойдетъ!».. И дѣйствительно отходило; черезъ нѣсколько времени, глядишь, Малка ужъ и весела, и бѣгаетъ себѣ по пчельнику, и смѣется. Все это на нее находило порывами и совершенно неожиданно: то вотъ эдакая неподвижность и почти полупомѣшанная грусть, то вдругъ бойкая веселость, рѣзвость и смѣхъ.

Бывало, Касьянъ спроситъ ее:

— Что съ тобой это было, Малка?

— Когда?

— Да вотъ недавно, какъ сидѣла-то все на полянкѣ?

— Не знаю... Ничего не было...

— Кажись, думала о чемъ-то?

— Думала... отвѣтитъ почти безсознательно дѣвочка.

— О чемъ же ты думала?

— Такъ, не знаю... Всего не упомнишь!..

И больше этого, бывало, отъ нея ничего не добьешься, какъ тамъ ни спрашивай.

Помню я свое первое знакомство съ Малкой. Это было весною. На дворѣ стояли, не помню, послѣдніе апрѣльскіе или первыя майскіе дни. Я тогда только-что приѣхалъ въ тѣ мѣста, послѣ пятилѣтней разлуки съ ними, и какъ-то разъ отправился къ своему старому знакомцу, дѣдкѣ Касьяну, который когда-то меня, что называется, на рукахъ но-

силъ, такъ какъ это было въ то время, когда я еще только на поль-аршина отъ земли выдавался. Вдругъ среди яснаго, вешняго дня, набѣжала дымчато-свинцовая тучка, первая весенняя тучка, разрѣшившаяся первымъ весеннимъ дождемъ, крупнымъ, теплымъ, щедрымъ, благодатнымъ дождемъ, который мигомъ вспрыснулъ всю лѣторосль, заставя ее развернуться еще пышнѣе и запахнуть еще смолистѣе.

Я съ Касьяномъ спрятался подъ навѣсъ его шалаша и, сидя въ укрытомъ мѣстѣ, съ наслажденіемъ прислушивался къ жемчужному, дробному шелесту капель, который производили онѣ, ударяясь о свѣжую, молодую листву. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, за шалашикомъ, раздался тоненькій, дѣтскій голосокъ, который весело заливался на распѣвъ, какъ колокольчикъ:

«Дождикъ, дождикъ припусти,
Мы поѣдемъ во кусты,
Во Казань побывать,
Въ Астрахань погулять.
Поливай ты, дождь,
Да на бабину рожь,
Ты на дѣдову пшеницу,
Ты на дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.
Дождикъ, дождикъ припусти
Посильнѣй, поскорѣй,
Насъ, ребятъ, обогрѣй».

И дождикъ, словно въ отвѣтъ на это воззваніе, дѣйствительно, припустилъ сильнѣе, и забарабанилъ еще чаще и громче по свѣжимъ листьямъ; а вслѣдъ за этимъ тотчасъ же раздался звонкій, радостный и такой же дробный смѣхъ вмѣстѣ съ хлопаньемъ въ ладоши.

— Кто это у тебя тамъ смѣется? спросилъ я Касьяна.

— А Малка, внучка моя, отвѣтилъ старикъ, обращиваясь въ ея сторону. Ишь ты, заливается! прибавилъ онъ, кивнувъ туда головою, съ любящею, доброю улыбкой: рада дождю и, то-ись, я тебѣ скажу, до смерти любить весенній дождикъ!

Не успѣлъ еще Касьянъ докончить эти слова, какъ въ

шалашикъ вбѣжала Малка, вспрыснутая съ головы до ногъ дождемъ, который не успѣлъ еще промочить ее, а только лежалъ крупными, свѣтло-жемчужными каплями и на лицѣ, и въ волосахъ, и на бѣлой сорочкѣ.

— Дѣдка! вскричала дѣвочка, дождикъ-то, слышишь? Послушный!.. Припустилъ-то какъ!.. Приказала, — вотъ и послушался!

— Ой-ли! отвѣтилъ въ тонъ ей Касьянъ, старчески-добродушно любуясь на ея дѣтскую радость.

Тутъ она въ углу примѣтила меня и смутилась, остановивъ на мнѣ, въ недоумѣнн, свои пытливые глазенки.

— Что смотришь? обратился къ ней Касьянъ—незнакомый? Небойся, Малка, не бойся; онъ добрый, не обидитъ...

Малкѣ было совершенно достаточно этихъ словъ: она, точно, уже не боялась меня, не стѣснялася мною и съ прежнимъ, безпечно-довольнымъ смѣхомъ выбѣжала изъ шалаша.

Остановясь шагахъ въ пяти передъ нимъ, она закинула назадъ свою голову и съ живѣйшимъ наслажденіемъ подставила подъ дождь свѣжее личико, встрѣчая звонко-серебристымъ, игривымъ смѣхомъ каждую крупную каплю, которая тяжело шлепалась ей то въ глаза, то въ уши или ноздри, то въ полураскрытый ротъ и, щекоча горло и шею, вдоль по ней скатывалась на грудь и худощавыя плечи.

Когда дождь почти незамѣтно сталъ стихать, Малка снова обратилась къ Касьяну:

— Дѣдка, смотри, сейчасъ послушается!

И, улыбнувшись изъ-подъ тишка она запѣла скороговоркой:

«Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на Ирдань
Богу молиться,
Христу поклониться;
Я у Бога сирота
Отворяю ворота
Ключикомъ-замочкомъ,
Бѣлымъ платочкомъ.»

Проговоривъ эти слова, она пытливо заглянула на небо,

приглядываясь, точно ли проходитъ дождь; и когда замѣтила, что капли, дѣйствительно, стали и рѣже, и мельче, тотчасъ же заговорила снова:

— А что, вишь, дѣдка: прошолъ, опять послушался! Глянь-ко на дворъ,—хорошо таково-то!.. Всю-то вѣдь вымочило!..

— Слушай, я тебѣ загадку загадаю! неожиданно прибавила она, беззабѣчно относясь прямо ко мнѣ, хочешь,—разгадывай:

«Крупно, дробно, зачастило,
Всю землю напоило.»

Что будетъ?..

— Море, отвѣтилъ я, не подумавъ.

— Анъ не отгадалъ! бойко подхватила дѣвочка; дождикъ будетъ, а не море... Хочешь, еще загадаю?

— Загадывай.

— Ну, слушай:

«Летитъ звѣрокъ
Черезъ Божій домокъ
Самъ съ собой говоритъ:
Вотъ моя силка горитъ!» —

Что будетъ?

— Воскъ, взболтнулъ я.

— Воскъ?.. И такъ бы, да не такъ! возразила Малка, видимо наслаждаясь моею неопытностью и своимъ превосходствомъ: не воскъ будетъ, а пчела да свѣча восковая,—вотъ что будетъ! Ну, а теперь ты загадай мнѣ чтонибудь, заключила она, приготовясь разгадывать.

— Изволь, отвѣтилъ я, только вѣдь не разгадаешь,—я задамъ трудную.

— Ну, ну, загадывай, я посмотрю...

Я сталъ припоминать изъ того, что знавалъ въ дѣтствѣ, и наконецъ наудачу припомнилъ одну: